
А. В. СОЛОВЬЕВ

Восемь заметок к «Слову о полку Игореве»

1. Хинова

В «Слове о полку Игореве» три раза встречается загадочное слово «хинова, хиновский». Во-первых: «Простроша ся Половци, акы пардуже гнездо, и великое буйство подасть Хинови». Затем в обращении к Роману и Мстиславу: «И многы страны — Хинова, Литва, Деремела и Половци сулицы своя повргоша». Наконец, в плаче Ярославны: «Чему мычеши хиновьскыя стрелкы на своєю нетрудною крилицю на моя лады вои?».

Это незнакомое слово не особенно смущало кружок Мусина-Пушкина. Уже в первом же переводе, в бумагах Екатерины II, стоит: «и великую Хану подали отвагу», а дальше оставлено «Хинова», «стрелков (I) Хиновских».¹ При младенческом состоянии русской филологии той эпохи переводчики решили, что «Хин» то же, что «хан». Так осталось и в издании 1800 г.: «и придали Хану их великое буйство», «и многия страны Ханския», но «Хиновския стрелы» без всякого пояснения.

Так переводил В. А. Жуковский в 1819 г.: «и в хана вселилось буйство великое», «многие земли и области хановы», «стрелы ханския», так и последующие переводчики до 1870-х годов оставляли слово «хиновский» без объяснения. Лишь в 1878 г. А. А. Потебня указал, что это «название половцев или другого степного народа, может быть, Гуннов, по старой памяти»; он указал, что «Хинови» следует считать дательным падежом от собирательного «Хинова» (как Литова, Татарова, Жидова).² Это мнение развил в 1909 г. А. И. Соболевский, настаивая на том, что «хынъ» — это древнее название гуннов, которые у германцев назывались *Hünep*, и указывая на чешский город *Chýnov*.³ Однако в 1914 г. была напечатана посмертная статья Вс. Миллера, в которой он старался доказать, что хинова — «старинное русское имя финнов в форме собирательной, как Мордва, Меря, Весь, Литва и другие», и видел в этой форме «обычную замену ф' через х», как Фрод/Хрол, Фома/Хома и «Хинская земля» у современных сказителей Олонецкого края. Он объясняет все три места «Слова» так: 1) Роман Мстиславич мог воевать с финнами в Новгороде, хотя на это нет указаний, 2) финские стрелки возможны, ибо финны были кузнецы и волхвы, 3) «по-

¹ Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960, стр. 323 и 324.

² А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. — Русский филологический вестник. 1878 (2-е изд. 1914, стр. 93 и 113).

³ А. S o b o l e v s k i j. Altrussisches хынъ. — Archiv für slavische Philologie, XXX, 1909, стр. 474.

дасть Хинови буйство» — здесь Хинова — вообще старшая враждебная сила.⁴

Однако это мнение мало убедительно, и в 1921 г. А. И. Соболевский повторил свое мнение, что «хынова» древнее название гуннов.⁵ Все же ни то, ни другое мнение не принято позднейшими комментаторами.

В 1926 г. В. Н. Перетц пишет: «Нехай хто заховається під цією назвою, ясно одне, що для автора „Слова“, як і згодом для автора „Задонщини“, це було збірне ім'я для поганого бусурманського народу».⁶

В 1936 г. Д. А. Расовский предложил новое объяснение спорного названия.⁷ Пересмотрев прежние толкования, он пишет: «Разгадку, может быть, можно найти в арабской географической литературе». Именно у географа Идризиди (середина XII в.) можно найти в описании Кумании город Киниов. Автору кажется, что этот город находился где-то у северного побережья Азовского моря и что Хинова была именем горожан, может быть даже целой области. «Горожане-хинова были не половцы, а принадлежали к какой-то особой народности, только живущей среди половцев. Как горожане, именно эта хинова естественнее всего могла быть выделывателем стрел». Однако это объяснение неприемлемо. У Идризиди сперва назван город Нуши, о котором сказано: «Нуши, окруженный возделанными полями, орошаемыми рекою, находится в 50 милях к северу от Белой Комании».⁸ Ясно, что уже этот город Нуши не на берегу Азовского моря, а на реке, в глубь степей к северу. Затем говорится: «Оттуда к Киниову, значительному городу у подножии горы, направляясь на северо-восток, четыре дня пути или сто миль». Очевидно, что этот большой город в 150 милях к северу от Белой Комании не что иное, как Киев, под слегка искаженным названием «Киниов», о котором смутные сведения доходили до побережья и который Идризиди по ошибке поместил на северо-восток, а не на северо-запад от Половецкой земли. Такое отождествление этого Киниова с Киевом было уже сделано С. Смирновым.⁹

В последних советских изданиях значение этого слова недостаточно установлено. Так, в издании 1953 г. Д. С. Лихачев пишет: «Предполагалось понимать „хинов“ как финнов и как гуннов. В античности и в Византии под названием „чин“, „син“ или „хин“ были известны китайцы (указание И. М. Кудрявцева). Это название китайцев встречается, в частности, в „Хождении за три моря“ Афанасия Никитина (XV век) в форме „чин“, „чини“. В „Слове о полку Игореве“ слово „хинове“ не означает, конечно, точно китайцев: Китай не был известен Руси в XII веке. Слово это означает какие-то неведомые восточные народы, неясные слухи о которых могли доходить до Византии устно и через ученую литературу космографий».¹⁰

Л. А. Дмитриев пишет короче: «До сих пор вопрос об этом слове окончательно не решен. Вс. Миллер предполагал, что хинова — это древнерусское собирательное название финнов. Но, судя по контексту, это скорее всего общее название восточных народов, кочевников».¹¹ А в 1955 г. Н. К. Гуд-

⁴ Вс. Миллер. Хинова Слова о полку Игореве. — ИОРЯС, т. XIX, 1914, стр. 110—118.

⁵ А. И. Соболевский. Хынова. — ИОРЯС, т. XXVI, 1921, стр. 8.

⁶ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім. — Збірник істор.-філол. від., УАН № 33. У Києві, 1926, стр. 262.

⁷ Д. А. Расовский. Хинова. — Seminarium Kondakovianum, t. VIII. Prague, 1936, стр. 301—306.

⁸ A. Jaubert. Géographie d'Idrisi, t. II. Paris, 1840, стр. 401.

⁹ С. Смирнов. Волзский шлях і стародавні Руси. У Києві, 1928, стр. 170.

¹⁰ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Малая серия. Л., 1953, стр. 256.

¹¹ Там же. Большая серия. Л., 1952, стр. 268.

зий пишет в примечании: «Хинова — в древнерусском языке собирательное имя для обозначения „поганых басурман“». ¹²

Согласимся с тем, что хинова не может обозначать финнов. Имя *Finni*, *Fenni* лишь изредка появляется у латинских писателей, начиная с Тацита. Сами же финны называли себя по преимуществу *Suomi* (Сумь), а отдельные племена носят названия, хорошо известные летописям: «Чюдь, Ямь, Весь» и т. д. Нет оснований полагать, что русские могли их называть «хинами», тем более что переход *ф* в *х* неизвестен в ту эпоху. Древние летописи весьма внимательны к звуку *ф* (Фракия, Фригия, Фотий, Филя и др.); только в варяжских именах *ф* переходит в *б* или *п* (Улеб — *Oleifr*, Прастен — *Freistein* и др.), как и сейчас в украинском: Филипп — Пилип. Имя «финны» могло бы звучать тогда «пины», но никак не «хины».

Могло ли это имя обозначать китайцев? Надо сказать, что у Китая издавна два названия: все северные соседи называли его «Китай» или «Катай», вероятно по имени маньчжуров Китан, завладевших им в начале X в. ¹³ Это имя известно в Западной Европе (*Cathay* — у Рубруквиса, у Марко Поло и других) до начала XVI в. Но более древним было южное название, которое дают Китаю малайцы и индусы — «син» или «чин», вероятно по имени династии Тсин (II в. до н. э.). Оно изредка известно латинским писателям как *Sina*. ¹⁴ Из византийцев только Феофилакт Симокатта имеет смутные известия о Китае, который он называет «Таугас». А Козьма Индикоплов в своей «Космографии» пишет *Τζίνιττα* или *Τζίνιστα*, что по-славянски звучало бы «Дзиница» или «Чиништа». ¹⁵ Это имя «чин» узнал Афанасий Никитин, прибыв в Индию в 1470 г., но раньше оно на Руси не могло быть известно. Лишь в конце XV в. португальцы, приплыв в Индию, услышали это имя и стали его передавать как *China* (Чина). ¹⁶ От них оно быстро распространялось по Европе: у испанцев — как *China* (Чина), у итальянцев — *Sina* (Чина), у французов — *Chine* (Шин). ¹⁷ Наконец, у немцев стали его произносить «Кина», откуда оно пошло к полякам как *Chiny* (Хины). Итак, неправильная форма «Хина» объясняется польским произношением XVI—XVII вв. и никак не могла быть известна в XII в. на Руси. Указание И. М. Кудрявцева неточно. Гораздо более убедительным является объяснение, данное А. И. Соболевским: оно филологически безупречно. «Хын» — это древнее название гуннов, ¹⁸ которых по-древне немецки называли *Hün*, *Hünen* ¹⁹ (а др.-сл. *ы* отвечает др.-нем. *ü*). Прибавим, что у древнейших латинских и византийских писателей мы найдем формы *Chuni*, *Χούνοι*: они слышали именно *х*, а не фрикативное *г*. ²⁰ Конечно, хунны исчезли с русской равнины после V в., но память о них

¹² Слово о полку Игореве. ГИХЛ, М., 1955, стр. 76.

¹³ Это отметил уже Н. М. Карамзин [История Государства Российского, т. III. СПб. (любое издание), прим. 242].

¹⁴ F. Richthofen. China, Bd. I. Berlin, 1877, стр. 551—580.

¹⁵ The Cristian Cosmogrophy of Cosmas. London, 1897, стр. 48 и 367.

¹⁶ В португальском и испанском языках *ch* читается как *ч*, но в немецком как *к*.

¹⁷ Впервые имя *China* появилось на глобусе имп. Карла V в 1537 г. В чешском языке это слово звучит *Sina/Sinane*, очевидно, из итальянского; в сербо-хорватском *Кина/Кинези*, взятое из немецкого (*China/Chinesen*).

¹⁸ Современный советский ученый пишет именно «хунну» (Л. Н. Гумилев. Хунну. Средняя Азия в древние времена. М., 1960; ср. К. А. Иностранцев. Хунны и гунны. — Живая старина, 1910).

¹⁹ И сейчас в Германии старые курганы называются *Hünengräber* — «хунские могилы», а *Hüne* — «великан».

²⁰ Проф. Альтгейм указывает *Χούνοι* у Птолемея, *Chuni* — у галльского писателя V в. Сидония Аполлинария, название *chwn* — в согдийском письме III в. н. э. в находках Ауреля Стейна в 1948 г. (Franz Altheim. Attila et les Huns. Paris, 1952, стр. 49).

могла жить, как жива была память о других исчезнувших кочевниках, аварах-обрах. Слово «хын» и собирательное «хынова» могли бытовать в языке XII в.

Заметим, что в XI—XII вв. часто отождествляют венгров с хуннами. Например, анонимный нотариус короля Белы (конца XII в.) знает, что угры — потомки хуннов, что их вожди — потомки Атиллы. Это отождествление (Hunni — Hungari) было широко распространено, и византийские историки чаще пишут Οὐννοι, чем Οὐγγροι. Оно могло быть известно и на Руси; знакомый с византийскими хрониками книжник мог назвать угров их будто бы древним именем «хынова».

Эту мысль широко развил Марк Шефтель в своем внимательном комментарии 1948 г.²¹ Он считает, что «великое буйство подать Хинова» есть указание на то, что ослабление Русской земли половцами увеличит давление угров на Галицкую землю. Стих «Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела, Половци» объясняется, если под Хиновой подразумевать угров. Певец начинает с Запада, говоря о победах Романа и, наконец, переходит к половцам. Видеть в «Хинове» каких-то «степных кочевников» не имеет смысла, ибо, кроме половцев, были лишь верные Руси черные клобуки: иных кочевников в это время не было.²² М. Шефтель обратил внимание на то, что Татищев, пользовавшийся лучшим списком Ипатьевской летописи, рассказывает по поводу смерти Романа Мстиславича, что он «Венгров великое войско с малым своим разбил», а также, что папа римский слышал, что Роман «Венгров победил».²³ Наконец, «хиновские стрелки» прекрасно объясняются как «угорские». Шефтель указывает, что угорские двуперые стрелы были особенно легкими и быстрыми и что латинские хронисты часто говорят о стрелах, главном и страшном оружии угров — хуннов. Половцы могли иметь тот же тип стрел.²⁴

Комментарий М. Шефтеля вызвал заметку лучшего венгерского византийиста Д. Моравчика. Он считает, что «Хинова» в «Слове» обозначает хуннов. Столь же несомненным кажется ему, что это имя применено к венграм. Он указывает, что уже западные источники с XI в. отождествляют оба народа.²⁵ Так, Эберспергская хроника XI в. пишет Hunni qui et Ungri, Луп Протоспатарий в XII в. — Hungari id est Huni, а польско-венгерская хроника XIII в. — Huni qui et Ungari dicuntur.²⁶

В византийских хрониках с X в. имя Οὐννοι применяется к венграм. Правда, говорит Моравчик, византийцы называют так и эфталитов, и са-

²¹ La Geste du Prince Igor. New York, 1948, стр. 123, 131.

²² Заметим, что современник «Слова», немец Гельмольд, в своей «Хронике славян» пишет, что «Россия называется не только Остроград, но и Хуниград, ибо там прежде жили Гунны» (Rusia vero vocata a Daris Ostrograd, etiam Chunigrad, eo quod ibi sedes Hunnorum primo fuerat).

²³ В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, т. III. М., 1774, стр. 344 и 348.

²⁴ La Geste... стр. 143—144.

²⁵ Укажем, что в Чехии, кроме отмеченного А. И. Соболевским древнего городка Хинова (упоминается уже у Козьмы Пражского), можно найти еще села Chýně, Chýnov, Chupín и два села: Chynice (-Хыничи); см.: Ottův Slovník Naučný, t. III. s. v. Соответствующего имени нарицательного или собственного в чешском языке нет. Они могут восходить к древним поселениям хуннов (или обров). В Польше тоже можно найти села Хинов, Хынов, Хыновска Воля и Хнов, которые М. Рудницкий связывает с Хиновой «Слова о полку Игореве» (M. Rudnicki. Praszłowiańszczyzna, t. II. Warszawa, 1960, стр. 36). Вероятно, имя «хынове» было перенесено чехами и поляками сперва на новых кочевников, осевших в Паннонии, — аваров, а затем на венгров. Так, и в Хорватии есть села Обров, Обровац и др., указывающие на поселение обров.

²⁶ A. F. Gömböös. Catalogus fontium historiae Hungaricae. Budapest, 1937, I, 553, II, 1481, I, 488.

бирова, и болгар, и аваров, и половцев, и иные народы.²⁷ Однако это относится главным образом к VI—VIII вв., а болгары называются гуннами лишь до X в. Напротив, в XI и XII вв. название гуннов применяется именно к венграм, как это видно, например, у Киннама, который называет венгров два раза Πάνυγες, а во всех остальных случаях Ούγγροι.

Венгерские, западные и византийские источники приводят единогласно к заключению, что «Хинова» «Слова» обозначает венгров, за это говорят и исторические сношения между венграми и русскими в течение XII в., заключает Моравчик. Единственным возражением могло бы быть то, что «Слова» два раза пользуется словом «угорский»; зачем же тогда называть угров «хиновою»? На это Моравчик отвечает, что оба названия «угорский» имеют скорее географический характер, и приводит пример, как у Никиты Хониата в той же хронике венгры то Ούγγροι, то Ούγγροι.

В связи с этим названием Моравчик упоминает, что византийские источники знают народец Χουάβοι и епархию Χουάβια в северной Албании, на реке Мат, в IX в.²⁸ Он считает, что эта Сhupavia связана с «хиновою» и могла быть остатками венгров, застрявших на Балканах.²⁹ Именно аноним короля Беды говорит о том, что после походов на Балканы часть венгров осталась там на жительство.

Мы считаем, что объяснение М. Шефтеля и Д. Моравчика наиболее правильно. Певец «Слова» сказал «угорские иноходцы» и «Угорские горы», ибо это были утвердившиеся в языке народные обозначения. Но когда он говорит от себя, он пользуется для венгров термином более изысканным, «высокого стиля».

Можем прибавить, что епископ Краковский Викентий в своей хронике, писанной в конце XII в., говорит также: «Гуннов или Угров».³⁰ А напомним, что Роман Волинский был сыном польской княжны Агнесы, сестры Казимира II: он мог знать, что поляки в конце XII в. называли угров «хуннами», что по-русски передавалось «хын/хинова».³¹

2. Не худа гнезда шестокрилицы

Призыв певца «Слова» к Ингварю, Всеволоду и остальным Мстиславичам сопровождается приложением: «Не худа гнезда шестокрилицы». Первые переводы так и оставили это слово, хотя оно было неизвестно русскому языку того времени. В переводах в бумагах Екатерины II, Белосельских и Воронцовых стоит просто: «не худа гнезда шестокрилицы»,³² а в печатном издании 1800 г. — «не худого гнезда шестокрилицы». Интересно, как Бантыш-Каменский и Малиновский представляли себе единственное число этого слова, очевидно «шестокрилица» женского рода?

²⁷ Gyula Moravcsik. Zur Frage der Хинове im Igor-Lied. — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, t. III, 1960, стр. 69—72.

²⁸ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica. 2 ed. Berlin, 1958, II, 347.

²⁹ В Чехии мы нашли село Шупава (Хынява), которое весьма напоминает эту «Хунавию». Заметим, что в греческом языке (в местных названиях) славянскому *у* отвечает *у*, а окончанию *-ов* — форма *-ав*; так, тырновский патриарх называется τῷ Τουρναβῶ (А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 362 и 364); совершенно так же «Хынове» отвечает Χουάβια.

³⁰ «Hunnos seu Hungaros». Vicentius Kadlubek. Res gestae principum ac regum Polonise. Warszawa, 1824, I, стр. 99.

³¹ Странная форма «Хинела» в краткой редакции «Задонщины» могла появиться как контаминация имен Хинова и Деремела.

³² Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве», стр. 323 и 346.

В следующих переводах это слово остается непереуведенным, но переходит в мужской род, например «шестокрыльцы» в переводе Жуковского 1819 г., что предполагает единственное число «шестокрылец». Так и в большинстве следующих переводов. Лишь Майков перевел свободно «птенцы крылаты»: Максимович в 1859 г. предположил, что под этим словом подразумеваются соколы и сослался на «мифического шестикрылого сокола, которого будто бы старался раздобыть Владимир Мономах». ³³ Однако в 1876 г. Огоновский предложил новое объяснение: он решил, что у трех птиц-соколов, с которыми сравниваются князья, шесть крыльев. ³⁴ Это объяснение повторяет еще в 1915 г. Шамбинаго: «у трех соколов, конечно, шесть крыльев». ³⁵ Между тем оно неудачно, ибо если у трех соколов шесть крыльев, то три князя вместе должны составлять одного «шестокрыльца», а в тексте множественное число.

В 1909 г. Ф. Е. Корш отметил новогреческое слово *ξεφτέρι*, обозначающее породу сокола или ястреба, что отвечает эпитету в тексте «Слова». ³⁶ Вероятно, под влиянием этой параллели А. С. Орлов перевел: «не плохого гнезда ястребы».

В 1926 г. В. Перетц привел все указанные объяснения, не высказавшись решительно и прибавив: «Как бы то ни было, этот эпитет обозначает нечто необычное, отличающееся быстротой». ³⁷

В 1951 г. Ф. Я. Прийма, опубликовав заметки Э. Ходаковского о «Слове», заметил: «Подчеркнув слово шестокрыльцы, Ходаковский отметил на полях: „от крыльев, которые носили за плечами“. Нам не удалось пока найти подтверждение этой догадки Ходаковского, однако, судя по тому, что геральдика была предметом его специальных занятий, можно полагать, что для подобного объяснения слова шестокрыльцы он имел веские основания». ³⁸ Нам ясно, что Ходаковский имел в виду не геральдику, а вооружение польских гусар, которые в конном строю носили два огромных крыла за плечами. Однако, по любезному сообщению доцента А. Ф. Грабского из Лодзи, эти гусарские крылья появились лишь с начала XVI в. и не могли быть известны в эпоху князя Игоря. ³⁹ Однако еще в 1948 г. большой знаток природы Н. В. Шарлемань дал вполне правдоподобное объяснение. Он говорит: «Шестокрыльцы, по-видимому, тоже соколы, у которых обычное для большинства птиц (кроме страусов, киви и пингвинов) деление переняния крыла на три части (большие маховые — *remiges I*, малые маховые — *remiges II* и крылышко — *alula*) особенно ясно видно во время парения. Таким образом, весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей, отсюда — „шестокрыльцы“». ⁴⁰

Это объяснение совершенно убедительно и принято в настоящее время всеми комментаторами и переводчиками: Д. С. Лихачевым, Л. А. Дмитрие-

³³ М. А. Максимович. Песнь о полку Игореве. — Украинец, 1859, № 1, стр. 108, прим. 36 (цит. по: В. Н. Перетц. Слово..., стр. 283).

³⁴ О. Огоновский. Слово о полку Игореве. У Львові, 1876 (цит. по: В. Н. Перетц. Слово..., стр. 283).

³⁵ Слово о полку Игореве. Редакция, перевод и объяснения С. К. Шамбинаго. 3-е изд. М., 1915, Университетская Библиотека, № 572, стр. 68.

³⁶ Ф. Е. Корш. Слово о полку Игореве. СПб., 1909, стр. LXII.

³⁷ В. Н. Перетц. Слово..., стр. 283.

³⁸ Ф. Я. Прийма. Зоріан Доленга-Ходаковський і його наблюдения над «Словом о полку Игореве». — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 83—84, прим. 6.

³⁹ А. Ф. Грабский ссылается на исследования Бронислава Гембаржевского: Br. Gembarzewski. 1) Husarze—ubiór, oporządzenie i uzbrojenie 1500—1775. Warszawa, 1939; 2) Zolnierz polski—ubiór, uzbrojenie i oporządzenie, wieki XI—XVII. Warszawa, 1960.

⁴⁰ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1948, стр. 113.

вым, В. И. Стеллецким («о шести крылах соколы») и другими. Лишь Н. К. Гудзий еще в 1955 г. повторяет толкование С. К. Шамбинаго: «У трех князей-соколов — шесть крыльев».⁴¹

В том же 1948 г. в нью-йоркском издании «Слова» проф. Марк Шефтель подробнее развил указанную Ф. Е. Коршем новогреческую параллель.⁴² Он заметил, что слова «шестокрилец, шестокрильный» в древнерусском языке обозначают лишь серафимов, по-гречески ἑξαπτέρυγος. Это же греческое слово обозначает и рипиды с изображением серафимов; но рипида в демотическом языке называется ξεφτέρι, что значит и сокол. Народная этимология приравнивает ξεφτέρι к ἑξαπτέρυγος, хотя эта этимология сомнительна. Во всяком случае при равенстве «гексаптерига» (серафима) и «ксефтери» (сокола) употребление слова «шестокрильцы» в смысле «сокол» кажется калькой с греческого. «Мстиславичи, поскольку их трое, даже если каждому из них приписать два крыла сокола или ястреба, совместно подсказывают поэту этот поэтический и великолепный эпитет». Вторая часть объяснения Марка Шефтеля неудачна, но первая правильна. Действительно, в «Материалах» Срезневского мы найдем начиная с XI в. целый ряд примеров на слова: «шестокрилатый, шестокрильный, шестокриль, шестокрильство», которые все применяются лишь к серафимам. Особенно значительно, что в Изборнике Святослава 1076 г. находится и существительное «шестокрильць».⁴³ Все эти примеры взяты из церковных книг: но легко можно допустить, что в просторечии «шестокрыльми» называли и хищных птиц, и витязей. Вспомним шестикрылого сокола, о котором упомянул Максимович. В сербском словаре Вука Караджича мы найдем и прилагательное «шестокрили» (с примером: «Свети шестокрили Аранђеле»), и существительное «шестокрилка» (с примером: из народной песни «Змија шестокрилка»). Крупный вассал Стефана Душана, кесарь Хреля, умерший в 1342 г., воспевается в сербском эпосе как «Реля Крилатица», но в песне, записанной в западной Болгарии проф. В. В. Качановским, он назван «Релё Шестокрилец».⁴⁴ А в апокрифическом гербовнике царя Стефана Душана, появившемся в XVI в., находится герб семьи Шестокриловичей, очевидно потомков храброго витязя, прозванного «шестокрылым».⁴⁵

Такое же тройное значение имеет слово ξεφτέρι в новогреческом языке. Прекрасный словарь этого языка Димитракоса указывает для данного слова значения: «1) вид сокола, 2) в переносном смысле человек, отличающийся быстрыми движениями и большой энергией, 3) церковные рипиды с изображением серафимов».⁴⁶

Итак, слова «шестокрил, шестокрильць» обозначали в древнерусском, как и в новогреческом языке (а вероятно, и в болгарском и сербском), одинаково библейского серафима, быстрого сокола и, наконец, быстрого удалого витязя.⁴⁷

⁴¹ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. Изд. 6-е. М., 1955, стр. 67.

⁴² La Geste..., стр. 133.

⁴³ Срезневский. Материалы, т. III, табл. 1589.

⁴⁴ Отмечено Н. М. Дылевским в сборнике «Слово о полку Игореве — памятник XII века» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 191).

⁴⁵ А. Соловьев. Постапак илирске хералдике и породица Охмућевих. — Гласник Скопског Научног Друштва, кн. XII. Скопље. 1933, стр. 118, герб. 72. Историк XVIII в. Качич-Миошич указывает: «Шестокриловичи из Пераста», из приморского гнезда храбрых моряков (там же, стр. 98).

⁴⁶ Διμιτράκου Μέγα Λεξικόν, Ἀθήναις, 1937, т. VI, стр. 4492; и еще под словом ξεφτέριν (т. III, стр. 2654).

⁴⁷ Ср. в «Повести о разорении Рязани» высшую похвалу витязям: «Сии бо люди крилатии и не имеющие смерти».

Заметим, что этот эпитет является одним из самых убедительных доказательств подлинности «Слова о полку Игореве». Если бы Н. Н. Бантыш-Каменский или архим. Иоиль Быковский сочинил «Слово», как мог бы он найти неизвестное в XVIII в. слово «шестокрильци»? Мы видели, что единственный его пример находится в Изборнике 1076 г., который принадлежал кн. М. М. Щербатову в Петербурге, а после его смерти в 1790 г. перешел к Екатерине II и которого никто еще не читал в то время (Бантыш-Каменский все время находился на службе в Москве, а Иоиль Быковский — в Ярославле). И даже если бы он его нашел (на листе 260-м Изборника!), как мог бы он догадаться, что это слово, обозначающее здесь серафима, можно применить и к соколу или витязю? Сам же он его сочинить не мог: в XVIII и XIX вв. говорили, что свойству русского языка характерно «шестикрылый» (вспомним у Пушкина «И шестикрылый серафим») как «шестилетний, шестигранный, шестиногий» и т. п. Между тем в тексте «Слова» стоит древняя форма, типичная для церковнославянского языка, с отверждением т, объясняющимся болгарским влиянием. И сейчас в болгарском языке мы находим лишь формы «шестокрил, шестоног, шестократен» и т. д. Так и в сербском языке. Между тем в русском языке гласная при основе на -тъ непременно будет и или е (например, «шестеро», «путеводный»). Эти тонкости сравнительной славянской филологии никак не могли быть известны любителю старины в XVIII в.

3. Обеси ся сине мьгле

Одним из неясных мест в «Слове о полку Игореве» является фраза о князе Всеславе: «обьсися синь мьглѣ». Переводчики понимали ее по-разному.

Так, в первом переводе, посланном Екатерине II в 1796 г., стоит: «покрыт синей мглою»; вместо аориста поставлено причастие страдательного залога. То же выражение: «покрыт мглою синею» — находится в переводе Т (в бумагах Белосельского-Белозерского и Воронцовых). В переводе в бумагах Малиновского (1798 г.?) несколько иначе: «закрывшись мглою синею», дано деепричастие вместо причастия, а «мгла» по-прежнему стоит в творительном падеже, которого нет в подлиннике.⁴⁸ Этот перевод вошел в издание 1800 г. — «закрывшись мглою синею».

Итак, ни А. Ф. Малиновский, ни Н. Н. Бантыш-Каменский, ни А. И. Мусин-Пушкин не понимали, что здесь аорист и переводили знакомый им глагол «обеситься» глаголом «покрыть» или «закрыться». Так сделал и В. А. Жуковский в 1819 г., поняв «обеситься» как «обвешаться», и перевел «обвешанный синею мглою» опять причастием страдательного залога.

Не будем приводить всех последующих, обычно неточных переводов (например, А. Н. Майков дал: «синей мглою из Белграда поднялся»). Укажем только, что А. А. Потебня в 1878 г. предложил изменить текст так: «обесився синю мьглы», с деепричастием и с родительным падежом по образцу «объестся чего».⁴⁹

В 1926 г. В. Н. Перетц понял эту фразу как «повис в синей мгле», очевидно считая «сине мьгле» местным падежом («предложным» без пред-

⁴⁸ Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве», стр. 324, 347 и 356.

⁴⁹ А. Потебня. Слово о полку Игореве. Харьков, 1878, стр. 124.

лога).⁵⁰ Перевод глагола «обесися» как «повис» гораздо точнее, ибо сохраняет активную форму прошедшего времени.

Несколько иначе переводит А. И. Югов в 1946 г. — «ухватил синее облако», В. И. Стеллецкий — «и сокрылся в синей мгле», Н. К. Гудзий — «окутался синим туманом».⁵¹ Наряду с этими активными формами, весьма разноречивыми, мы встретим и сейчас причастия страдательного залога, которые возвращают нас к переводу Жуковского. Так, И. А. Новиков дает «окутанный синей мглой», Л. А. Дмитриев в 1952 г. — «объятый ночной мглой, туманом», а Д. С. Лихачев в том же году — «объятый синей мглой» с примечанием: «обеситься по-древнерусски означает повиснуть или быть объатым (в данном месте Слова — конечно, последнее значение)».⁵²

Однако А. С. Орлов перевел эту фразу деепричастием: «завесившись синей мглой», что близко к переводу 1800 г.⁵³

Из иностранных переводчиков Н. Кульман перевел «s'enveloppa de brume bleue», сохранив глагол в аористе.⁵⁴ Между тем Р. О. Якобсон в 1948 г. возвращается к деепричастию и переводит весьма свободно: «таясь под покровом синей мглы». Так же в том же издании: Henri Grégoire — «sous le voile de la brume bleue», S. H. Cross — «wrapped in the pall of a blue mist», Julian Tuwim — «otulony niebieską mgłą».⁵⁵ Позже так же понимает это место Р. Поджиоли и пишет: «ammantandosi d'azzurra bruma».⁵⁶ Все это возвращает нас к переводу 1800 г. Приблизительно так же перевел в 1954 г. и Р. Нахтигаль: «Zastrl se sinjo meglo» (закрылся синеею мглою), только у него глагол в прошедшем времени.⁵⁷ Наконец, последний советский переводчик И. П. Еремин повторяет в 1957 г. «завесившись синей мглой».⁵⁸

Мы видим, что большинство переводчиков пользуются причастием (или деепричастием), которое не отвечает аористу подлинника, и не останавливаются на вопросе, какой же это падеж «сине мьгле» — родительный, дательный, творительный или местный, отдавая предпочтение творительному — «закрывшись синей мглой».

Если мы обратимся к словарю И. И. Срезневского 1895 г. и к сравнительной славянской филологии, то мы увидим, что глагол «обеситься» вовсе не значит «быть объатым, окутаться». По-болгарски «обесвам» (се) значит «повесить, привесить» (-ся), по-сербо-хорватски «објесити» (се) имеет то же значение, по-чешски oběsiti (se). Только в древнерусском и польском вместо этого говорят «повесить», powiesić.

В древнерусском языке форма «обесити» всегда в смысле «повесить, привесить» является славянизмом, засвидетельствованным уже в Остромировом евангелии: она отвечает греческому глаголу κρεμάσω, атт. κρέμω —

⁵⁰ В. Н. Перетц. Слово..., стр. 293.

⁵¹ Слово о полку Игореве. ГИХЛ, М., 1955, стр. 43. Однако в своей хрестоматии Н. К. Гудзий переводит «обесися» как «повис» (Хрестоматия по древней русской литературе, стр. 68, прим. 7).

⁵² Слово о полку Игореве. Детгиз, стр. 91 и 217.

⁵³ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия, стр. 74; примечание Л. А. Дмитриева (стр. 282) гласит: «обеситься — повиснуть, обнять. Объятый ночной мглой, туманом».

⁵⁴ Le Dit de la Campagne d'Igor. Traduction de N. Koulmann et M.-Z. Behagel. Paris, M. SM. XXXVII, стр. 40.

⁵⁵ La Geste..., стр. 196, 66, 171 и 211.

⁵⁶ Renato Poggioli. Cantare della gesta di Igor. Torino, 1954, стр. 171.

⁵⁷ Rajko Nahtigal. Staroruski ep Slovo o polku Iгореve. Ljubljana, 1954, стр. 51—53.

⁵⁸ См.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957, стр. 248.

повесить, привесить к чему.⁵⁹ Наряду с ней И. И. Срезневский дает под словом «объситься (объ + в. .) — «повиснуть, обнять» лишь три примера (кроме четвертого, из данного места «Слова»), именно: «Объшю ся твоеи выи», Златоструй до 1200 года; «(Александр) объси ся ей на распути (περιπλάκη)», Мучение Феклы, 3; «Труфана объсъши ся Феклѣ (περιπλαχῆναι τῇ Θεῆκῃ)», там же, 11».

Эти три примера очень значительны: они объясняют и точный смысл глагола, и странный падеж дополнения при нем.

Напомним, что греческий глагол περιπλέχω значит дословно обвивать, а в среднем и страдательном залоге обвиваться вокруг чего, привеситься, также и обнять, обхватывать. Так как греческий язык не знает ни творительного, ни предложного падежей, то для косвенного дополнения остается дательный, и обвиться вокруг чего (в смысле: обнять кого) передается дательным περιπλέχω τινί. Славянские переводчики евангелия и других текстов начиная с XI в. перевели этот глагол как объситься и по семантической кальке сочетали его с детальным падежом: «объситься твоей выи» (ср. «повиснуть на твоей шее»), «объси ся Феклѣ» — обнял Феклу (дословно: «повис на Фекле»).

Итак, «обеси ся сине мъгле»⁶⁰ следует перевести «повис на синем облаке»,⁶¹ причем сине мъгле — это древний дательный падеж косвенного дополнения. Ни одной буквы в этом тексте не следует менять. Ни причастия, ни деепричастия в перевод вносить не нужно.

4. Рекъ Боянь и Ходына

Одним из самых «темных мест» в «Слове» является стих, который издатели 1800 г. напечатали так: «Рекъ Боянь и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю».

В течение полутора веков предлагались различные объяснения и исправления этого загадочного текста, а в конце концов Н. К. Гудзий пришел к выводу: «Очень темное и запутанное место. Многочисленные попытки комментаторов объяснить его при помощи различных конъектур должны быть признаны несостоятельными».⁶²

Постараемся однако пересмотреть вкратце эти попытки и выбрать из них самую удовлетворительную.

⁵⁹ И. И. Срезневский дает: «вднѣи от объшеноу зьлодѣю хоуляше его (τῶν κρεμασθέντων). Лук. 23, 29. Остром. ев. За нозѣ немилостиво объшен. Минея 1097 год. Да объсят жрьновъ осьльскыи о выи его (ἵνα κρεμασθῆ) Панд. Ант. XI в. Камень на выю объсить. Поликарпа послание. Патерик Печерский 5, и др.» (Срезневский. Материалы, т. II, стлб. 587). В «Дополнениях к Материалам для словаря» (СПб., 1912, стлб. 200) И. И. Срезневский приводит глагол: «объситься — повеситься, удавиться» с одним примером из грамоты 1578 г.

⁶⁰ В издании «Слова» следует всюду отделять местоимение «ся» от возвратного глагола, ибо в языке XII в. оно было еще свободным, ср. «начати же ся, а чи диво ся. . . помолодити, вежи ся половецкия подвизаша». Так и сейчас в других славянских языках.

⁶¹ «Мгла» может значить и облако. И. И. Срезневский говорит: «Слово мгла не у одних чехословаков, особенно в горах, получило очень определенное значение — облака или облаков, сохраняя вместе с тем и значение тумана вообще и соединенной с ним тьмы; следовательно, почти так же как греч. ομίχλη, лит. migla . . . Вот пример из болгарских народных песен: «Пустите мои двѣ тѣги, я да станете двѣ мъгли че се високо вдигнете. . .». Ср. санскр. mihila — облако; анд. — maêgha — облако; греч. ομίχλη — туман и облако (Срезневский. Материалы, т. II, стлб. 223).

⁶² Н. К. Гудзий. Хрестоматия, стр. 70; также в издании: Слово о полку Игореве (ГИХЛ), стр. 45.

Любопытно, что перевод 1795 г. в бумагах Екатерины II вообще пропустил эту фразу, поставив многоточие (после слов «в поле Половецкое») и продолжая «Худо быть голове без плеч». ⁶³ Следующий перевод в бумагах Белосельских и Воронцовых дает: «Рек Боян песнотворец (песнопевец Б.) старого времени и походам Святослава, Ярослава, и Олега конец положил: тяжело быть голове без плеч». ⁶⁴ Перевод весьма неудачный: каким-то образом «коганя хоти» осмыслено как «конец положил», а «ходы» превратились в «походы».

Перевод в бумагах А. Ф. Малиновского несколько изменен: «Боян песнопевец старых времен, оканчивая повествование о походах Святослава, Ярослава и Ольга, произрек: „Тяжело быть голове без плеч“, но смысл тот же. При этом Малиновский дал примечание: «Сие место так темно, что остается одну только догадку принять в основание». ⁶⁵

Наконец, печатный перевод, проверенный Н. Н. Бантыш-Каменским, приближается к прежнему и дает: «Сказал сие Боян, и о походах, воспегах им в прежние времена, князей Святослава, Ярослава и Ольга сим кончил: тяжело быть голове без плеч». Этот чересчур свободный перевод выпустил слова «песнотворца, коганя» и «хоти» и совершенно не считается с грамматикой.

Толкование «ходы на» как «походы» часто повторялось (Н. Ф. Грамматин в 1823 г., Н. А. Полевой в 1830 г., А. И. Лященко еще в 1928 г., ⁶⁶), но ему противится то, что в древнерусском языке это слово никогда не означало «походы», а лишь «ход» и во множественном числе не засвидетельствовано. ⁶⁷ Поэтому предлагались различные изменения текста: «исход» (Д. Дубенский, 1844 г., П. П. Вяземский, 1877 г., П. В. Владимиров, 1900 г.), «исходы» (М. В. Щепкина, 1953 г.), «до сына» (Р. О. Якобсон, 1948 г.), «на исходы» в смысле «на кончину» (Р. Нахтигаль, 1954 г.) и пр. Однако все эти изменения слишком произвольны и не решают затруднений с толкованием дальнейшего «Святъславля пестворца».

Между тем еще в 1894 г. И. Е. Забелин предложил самое логическое чтение. ⁶⁸ Не надо менять ни одной буквы в тексте, следует лишь правильно разделить слова, непонятые А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантыш-Каменским. Почтенный историк предложил читать: «Рек Боян и Ходына, Святъславля пестворца старого времени Ярослава, Ольгова коганя хоти». Получается: «Сказали Боян и Ходына, Святослави песнотворцы (правильное двойственное число) старого времени Ярослава, любимцы князя Олега». К этому мнению присоединился в 1926 г. В. Н. Перетц, с той поправкой, что «Ольгова коганя хоти» он счел обращением к жене князя Олега Святославича. Он привел и целый ряд указаний на следы собственного имени «Ходына» в топонимике: в Новгородской области село Ходынино с XIV в., село Ходынина в Псковской области, село Ходынино в Рязанской, речка Ходыня и Ходынский луг под Москвой, наконец, от-

⁶³ Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве», стр. 325.

⁶⁴ Там же, стр. 349.

⁶⁵ Там же, стр. 357.

⁶⁶ Аркадий Лященко. Пояснения одного місця у «Слові о полку Игоревѣ». — Ювілейний збірник по пошану ак. М. С. Грушевського, т. II. У Києві, 1928, стр. 187—189.

⁶⁷ Единственный пример: Срезневский. Материалы, т. III, столб. 1382 («А зима была тогда гола... и ход был конем нужно грузовато» — из НЛ под 1558 г.). Итак, это «ход коня», а не «поход».

⁶⁸ И. Забелин. Заметка об одном темном месте в Слове о полку Игореве. — Археологические известия и заметки. М., 1894, № 10, стр. 297—301 (цит. по: В. Н. Перетц. Слово..., стр. 327).

чество «Ходыничь Остапко» в Мозыри в 1552 г. (в словаре древнерусских собств. имен Тупикова).

К этому мы можем прибавить, что в Польше были известны шляхетские фамилии Ходынских и Ходыницких, очевидно образованные от родовых сел Ходыня и Ходыничи, а село Ходыничи на р. Ловати упоминается в Новгородской летописи уже под 1210 г.; ясно, что оно было населено потомками какого-то Ходыны XII или даже XI в.⁶⁹

По указанию В. П. Адриановой В. Н. Перетц привел семь примеров из «Повести временных лет» (начиная с «иде Аскольд и Дир» и «рече Свенельд и Асмуд») в подтверждение того, что в древнерусском языке «сказуемое, стоя перед двумя подлежащими и согласуясь с первым, стоит всегда в единственном числе».⁷⁰ Мы продолжили этот анализ по Ипатьевской и Новгородской I летописям для XII и XIII вв. и выяснили, что с 1148 г. можно уже встретить обороты, в которых сказуемое перед двумя или тремя подлежащими стоит уже в двойственном или множественном числе,⁷¹ но древнее согласование остается наряду с новым еще в XIII в.⁷²

Интересно отметить, что этот оборот часто применяется к *verba dicendi* и что два лица (или больше их) произносят те же слова в унисон. Например: «И рече Свенельд и Асмуд» (946 г.), «и рече митрополит и епископы» (1115 г.), «и рече Изяслав и Ростислав» (1151 г.), «и нача молвити митрополит и игумени вси» (1157 г.). Эти фразы часто связаны с прямой речью.

Итак, чтение «рек Боян и Ходына» кажется нам самым правильным. С ним согласуется дальнейшее «Святославля песнотворца», правильно стоящее в именительном падеже двойственного числа, что необъяснимо, если принимать чтение «ходы» или «исходы».

В настоящее время некоторые исследователи соглашаются с чтением И. Забелина, например Д. И. Тиунов⁷³ и Д. С. Лихачев.⁷⁴ В последнем издании «Слова» 1961 г. тоже разделены Боян и Ходына, причем комментатор В. Кузьмина считает, что имя Ходына должно принадлежать автору «Слова».⁷⁵ С этим, однако, не согласуется текст. Оба певца, и Боян, и Ходына — «Святославля песнотворцы старого времени Ярославля»; это ясное указание на то, что они оба жили при великом князе Святославе Ярославиче (умер в 1076 г.), о котором нам известно, что он любил пение и игру на гуслях. Имя «Ходына» никак нельзя считать вставкой.

⁶⁹ «Угонивше Литву в Ходынищих» (ПСРЛ, т. III, СПб., 1841, стр. 31); у В. Н. Татищева неточно: «в Ходынищах» (История Российская, т. III, стр. 368).

⁷⁰ Любопытно, что А. А. Шахматов не знал этого правила и написал по поводу фразы «рече Свенельд и Асмуд»: «вставка имени Свенельд обличается формой единств. числа „рече“, а также и тем, что нет основания допустить, чтобы во главе войск стояли одновременно два лица» (А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908, стр. 369).

⁷¹ «Придоша Володимир, Изяслав Давыдовича и Святослав Олговичь» (Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 254), «и рекоста Мьстислав и Ярополк» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 404).

⁷² Например, под 1213 г. «обещая ему Данил и Олександр», «възъеха к нему Глеб Судиловичь и Гаврило Иворовичь и Перенежько», «бе бо ту... Иван Лекин и Дмитр и Бот» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 490, 491, 493 и далее). Так же в Н1Л под 1215 и 1216 г. (ПСРЛ, т. III, стр. 54—56: «Рече же Мьстислав и Володимир», «И ста Ярослав и Гюрги с братьею» и т. п.).

⁷³ Д. И. Тиунов. Несколько заметок к слову. — В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М., 1950, стр. 203.

⁷⁴ Слово о полку Игореве. Детгиз, стр. 108 и 221.

⁷⁵ «Слово о полку Игореве». Поэтические переводы и переложения, под общей редакцией В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961, стр. 364.

5. Ольгова коганя хоти

Некоторые комментаторы, следуя за И. Забелиным, допускают Ходыну, например, Д. С. Лихачев и Д. И. Тиунов, но объясняют «Ольгова коганя хоти» как второе приложение к именам певцов: «любимцы Олега когана». С этим трудно согласиться. Во-первых, нагромождение приложений: «Святослава песнотворца старого времени Ярославля, Ольгова коганя хоти» трудно ожидать от такого мастера стиля, каким был певец «Слова». Во-вторых, двойственное число от существительного мужского рода «хоть» было бы (два) «Ольгова коганя хотя», как «два коня» (ср. в «Слове»: «претргоста бо своя борзая комоня»). А в-третьих, слово «хоть» вовсе не значит «любимец». Это странная ошибка И. И. Срезневского, введшая в заблуждение других авторов. На ней следует остановиться. Срезневский дает:

«Хоть — любимец: — Ты же дасть наимъ хотъм своим всѣм (πάσι τοῖς ἑρασταῖς в нов. рачителем). Иез. XVI, 33. Библ. 1499 г. (Мат. Бусл. 50).

«— любовник: — Съберу вся хоти твоя (πάντας τοὺς ἑραστάς σου в нов. похотники). Иез. XVI, 37. Библ. 1499 г. (Мат. Бусл. 50). И съблуди Аолла от мене, и възложи на хоти своя (ἐπὶ τοὺς ἑραστάς αὐτῆς) там же, XXIII 5 (Упыр.). Того дея предаахъ ю в руке хотемъ ея (τῶν ἑραστῶν αὐτῆς), там же, XXIII, 9 (Упыр.). Какова ли хотии ея злобь, там же, XXIII, 10. толк. (Упыр. 210)», и еще три примера из пророка Осии, где опять-таки слово «хоть» отвечает греческому ἑραστής.⁷⁶

Весьма странно, что, приведя четыре примера из пророка Иезекииля, где «хоть» значит «любовник», И. И. Срезневский в первом примере из того же пророка перевел «хоти» как «любимцы». Между тем следует прочесть 16-ю главу Иезекииля в греческом тексте или в русском переводе, чтобы убедиться, что во всех случаях говорится о любовниках. Именно у Иезекииля (гл. XVI, 33) сказано дочери Иерусалима: «Всем блудницам дают подарки, а ты сама давала подарки всем любовникам твоим (дасть наим хотъм своим всем), и подкупала их, чтоб они со всех сторон приходили к тебе блудить с тобою», а в стихе 37-м той же главы: «За то вот, я соберу всех любовников твоих, которыми ты услаждалась и которых ты любила».⁷⁷ Ясно, что в обоих стихах говорится о тех же «любовниках» (ἑρασταί), и остается загадкой, почему И. И. Срезневский в первом случае перевел «хоти» как «любимцы».

И сравнение с чешским языком показывает, что слово «хоть» говорит именно о плотской связи, происходя от глагола «хотеть». Именно по-чешски *shot'* (м. р.) значит «муж»; *shot'* (ж. р.) — «жена, супруга». Последнее значение мы найдем в «Слове о полку Игореве»: «Забыв чти... и своя милья хоти красныя Глебовны свычая и обычая». Здесь И. И. Срезневский правильно перевел «хоть» как «желанная, милая, жена». Но рядом с этим единственным примером такого значения он же приводит четыре примера, где «хоть» ж. р. значит «наложница».⁷⁸ Подобно этому, и слово «хоть» (м. р.) имело только два значения: 1) желанный муж, как в чешском, и 2) любовник (ἑραστής). Боян и Ходына не могли быть «хотями» князя Олега, иначе его следовало бы обвинить в педерастии.

Единственно правильным является, по нашему мнению, чтение В. Н. Петца: «Ольгова коганя хоти» надо рассматривать как обращение к жене

⁷⁶ Срезневский И. Материалы, т. III, стлб. 1389.

⁷⁷ Библия... в русском переводе. Синодальная типография. Пгр., 1915, стр. 591.

⁷⁸ «Хоти триста (παλλακαί). Не едину хоть, ни две приимши. Иезек. XVI, 15... хотию небрегом (ab amata). Златоостр. 43. Хоти или прелюбодеица (ἑτα ἱρα). Сильв и Ант. вопр. XVI в. 56 (Срезневский И. Материалы, т. III, стлб. 1389).

Олега Гориславича. Такое чтение безукоризненно: «Ольгова» есть правильное прилагательное женского рода от имени Олег, а «коганя» такое же прилагательное от титула «коган». Наконец, «хоти» — это правильный звательный падеж от существительного женского рода «хоть» (ср. «о всепята мати»). Боян и Ходына обратились к жене князя Олега, когда он был в изгнании или заточении, и произнесли изречение, которое запомнилось их преемнику.

Синтаксически все это предложение вполне отвечает стилю Ипатьевской летописи,⁷⁹ где мы найдем под 1147 г.: «Посла Володимир и Изяслав Давыдовича ... послы к Изяславу ... река: „брате! се заял Олговичь Святослав волость мою ... любо с ним мир створим, любо ся с ним бьем“». ⁸⁰ Так же построена фраза «Слова». Глагол (*verbum dicendi*) стоит в единственном числе (посла — рек), подлежащих два (Владимир и Изяслав — Боян и Ходына), приложение стоит в двойственном числе (Давыдовича — Святославля песнотворца) и, наконец, прямое обращение в прямой речи (брате! — Ольгова коганя хоти!). Заметим, что два князя, так же как их послы, говорят в унисон, что делают и Боян и Ходына.

И. Е. Забелин предполагал, что Боян произнес первый стих («Тяжко ти голове кроме плечю»), Ходына — второй («зло ти телу кроме головы»), а певец Игоря прибавил третий («Русской земле без Игоря»). Это предположение остроумно, но не необходимо. Мы отметили известный дух гомофонии в летописи: епископы, князья, послы говорят вместе одну и ту же речь. Так же Боян и Ходына могли вместе произнести два стиха, а певец Игоря добавить: «Русской земле без Игоря».

Укажем, наконец, что если мы будем читать «Ольгова коганя хоти» как «жена князя Олега», то это вполне согласуется с исторической обстановкой. Хазарский титул «кагана, когана» славяне, раньше платившие дань хазарам, стали применять иногда к великому князю в Киеве. Так, митрополит Иларион пишет «Похвалу кагану нашему Владимиру» и хвалит в ней «великаго кагана наша земля», а в «Исповедании веры» говорит: «благочестиваго кагана Ярослава, сына Володимера».⁸¹ Но из сыновей Ярослава никто уже каганом не назывался. Почему же этот архаический титул применен к Олегу, внуку Ярослава? Ответ на это мы найдем в интересной вислой печати Берлинского музея⁸² с надписью: $\overline{\text{KE}} \overline{\text{V}} \overline{\text{O}} \overline{\text{M}} \overline{\text{I}} \overline{\text{X}} \overline{\text{A}} \overline{\text{N}} \overline{\text{A}}$ $\overline{\text{A}} \overline{\text{R}} \overline{\text{X}} \overline{\text{O}} \overline{\text{N}} \overline{\text{T}} \overline{\text{(I)}} \overline{\text{M}} \overline{\text{A}} \overline{\text{T}} \overline{\text{R}} \overline{\text{A}} \overline{\text{X}} \overline{\text{(Q}} \overline{\text{N}})$, $\overline{\text{Z}} \overline{\text{I}} \overline{\text{X}} \overline{\text{I}} \overline{\text{A}} \overline{\text{E}} \overline{\text{K}} \overline{\text{P}} \overline{\text{A}} \overline{\text{E}} \overline{\text{N}} \overline{\text{E}} \overline{\text{K}} \overline{\text{A}} \overline{\text{Z}} \overline{\text{A}} \overline{\text{R}} \overline{\text{I}} \overline{\text{A}} \overline{\text{E}}$. Михаил-Олег был в конце XI в. не только князем Тмутаракани, но и Зихии, и «всей Хазарии» в Крыму. Крымские хазары были его данниками, поэтому он имел полное право носить титул «когана», жена его была «коганя хоть».

6. Жена и дети князя Игоря

В первом издании «Слова о полку Игореве» сказано в первом же примечании на 1-й странице: «Игорь Святославичь родился 15 апреля 1151 года... женился в 1184 году на Княжне Евфросинии, дочери Князя Ярослава Володимировича Галичскаго».

⁷⁹ Летопись по Ипатскому списку, стр. 242.

⁸⁰ Любопытно, что после единственного числа («волость мою») стоит множественное («створим, бьем»), ибо действуют три князя: Владимир, Изяслав и другой Изяслав.

⁸¹ Прибавления к творениям святых отцов, т. III. М., 1844, стр. 253.

⁸² Об этой печати подробнее в нашей статье: A. V. Soloviev. Domination byzantine ou russe au Nord de la Mer Noire à L'époque des Comnènes? — Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses 1958. München, 1960, стр. 569—580.

Итак, поскольку у князя Игоря было пятеро сыновей, родившихся от 1170 до 1180 (?) г., Ярославна была бы их мачехой, второй женой князя Игоря. Это предположение повторяется у многих комментаторов, например в либретто оперы «Князь Игорь» и у Л. А. Дмитриева в 1952 г.⁸³ Однако так ли это?

Летописи ничего не говорят ни о первом, ни о втором браке князя Игоря, ни о смерти его жен: они вообще невнимательны к княгиням. Имя Евфросинии как жены князя Игоря находится только в драгоценном Любечском синодике, опубликованном в 1884 г.⁸⁴ В летописях его нет. Однако оно находится уже в «Родословнике князей великих и удельных рода Рюрика» Екатерины II, напечатанном в 1793 г. Там сказано: «Князь Игорь . . . родился в 1151 году, женился в 1184 году, взял Княжну Евфросинию, дочь Князя Ярослава Владимировича Галичского».⁸⁵ Поскольку мы знаем, что Екатерина II, составляя свои родословные списки, запрашивала синодики в разных монастырях, вероятно, что она имела в руках копию Любечского синодика. Мусин-Пушкин уже в издании «Поучения Владимира Мономаха» ссылается на «Родословник» Екатерины II.⁸⁶ Ясно, что он пользовался им и для примечаний к «Слову» и из него взял имя Евфросинии и утверждение о втором браке Игоря.

По нашему мнению, известие о втором браке объясняется невнимательным чтением «Истории» Татищева, которой Екатерина II широко пользовалась в своих «Записках по русской истории». Под 1184 г.⁸⁷ Татищев рассказывает: «Владимир Ярославич Галицкий шурин Игорев изгнанный от отца, пришел во Владимир к Роману Мстиславичу, но Роман бояся отцу Владимирову, не дал ему у себя быть. . . (дальнейшие странствия). Несчастный же Владимир ни тамо себе места обретши, приехал паки в Путимль к зятю своему Игорю Святославичу. Игорь же принял его с любовию и честию, и держал у себя, чрез два года, и с великим прилежанием едва его со отцем примирил, испрося ему во всем прощение, и послал с ним проводить сына своего Святослава. Ярослав, приняв сына Владимира и наказав его словами, дал ему Свиноград, но жить велел в Галиче, дабы он не мог кое зло делать, Святослава же одарив с честию отпустил».⁸⁸ Очевидно, Екатерина II отметила, что под 1184 г. Владимир назван шурином Игоря, но сделала из этого неверный вывод, что свадьба была в этом году.

В этом рассказе Татищева и летописи кое-что неясно. Трудно понять, приехал ли Владимир к своему зятю в 1184 г. и тот продержал его с честью два года до 1186 г. (но в это время он сам долго был в плену) или Владимир приехал уже в 1182 г., а в 1184 г. Игорь примирил его с отцом и отослал в Галич. Последнее предположение кажется нам более вероятным, но В. В. Стасов и А. П. Бородин приняли первое и потому сочинили

⁸³ Л. А. Дмитриев. Комментарий. Библиотека поэта. Большая серия, стр. 283.

⁸⁴ Р. В. Зотов. О черниговских князьях по Любечскому синодику. М., 1884, стр. 270.

⁸⁵ «Записки касательно Российской Истории», ч. V, 2-е изд., 1801, стр. 159.

⁸⁶ Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве», стр. 311.

⁸⁷ В. Н. Татищев, История. . . , т. III, стр. 258.

⁸⁸ Этот же рассказ находится в Ипатьевской летописи, впервые напечатанной в 1843 г., но которой по утраченному списку пользовался Татищев. Приведем текст летописи: «В то же время Володимер Ярославич Галичский, шурин Игорев, бяшесть у Игоря, зане выгнан бысть бяшесть отцем своим из Галича. . . приде к зятю своему Путивлю ко Игореву Святославичу: той же прия с любовию и положи на нем честь велику, и на третее лето введе и в любовь со отцем его и посла с ним сына своего зятя Рюрикова Святослава» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 428).

весьма неправдоподобные сцены бесчинства Владимира в Путивле и попытки захвата им власти в отсутствие князя Игоря.

Ясно одно. Если Владимир в начале рассказа назван «шурин Игорев», то надо предполагать, что он уже давно был этим шурином, а вовсе не стал им в 1184 г., как неудачно заключила Екатерина II. Обратим внимание на следующее: Игорь посылает со своим шурином в далекий Галич своего младшего сына Святослава, родившегося в 1176 г. Зачем было посылать в такой путь восьмилетнего мальчика, если он не был внуком Ярослава Осмомысла? Очевидно, его послали, чтобы расстрогать грозного деда и замолвить слово за беспутного дядю. Святослав был сыном, а не пасынком Ярославны.

Что Евфросиния была матерью не только Святослава, но и всех Игоревичей, видно из их дальнейшей судьбы. Но сначала постараемся выяснить их даты рождения. В Ипатьевской летописи сказано под 1173 г.: «Того же лета родился у Игоря сын месяца октября в 8 день, и нарекоша ему имя Володимир, а во крещении Петр».⁸⁹ Если верить этой дате, то в день выступления в поход княжичу было всего одиннадцать с половиной лет, а при возвращении из плена осенью 1187 г. «с детьми» едва четырнадцать. Дата неверна, как и многие иные в Ипатьевской летописи, и ее легко исправить.

Прочтем все известия под 1173 г. Перед тем рассказывается о неудачном походе суздальцев на Новгород Великий (что было в 1169 г.), затем о том, что Роман в Новгороде узнал о смерти своего отца Мстислава II на Вольни (что было 19 августа 1170 г.), а после записи о рождении Владимира Игоревича 8 октября стоит: «В то же время преставися благоверный князь Глеб, сын Юрьев, внук Володимерь, в Киеве княжив два лета... 20 января».⁹⁰ Мы знаем, что Глеб был посажен в Киеве Андреем Боголюбским после взятия Киева 8 марта 1169 г. (в Ипатьевской летописи опять неверный 1171 г.): следовательно, он умер 20 января 1171 г., а Владимир родился перед тем, 8 октября 1170 г. Итак, в датировке ошибка на три года: в походе ему шел пятнадцатый год, а венчали его в 1187 г. (в октябре?) семнадцати лет.⁹¹

Надо полагать, что Игорь женился на дочери Ярослава Осмомысла в 1169 г., восемнадцати лет от роду, а может быть и немного раньше.

Все сыновья Игоря были и сыновьями Евфросинии, поэтому они позднее стали галицкими князьями. Именно в 1205 г. после смерти Романа Мстиславича под Завихостом галицкие бояре не захотели признать его малолетних сыновей Данила и Василька, но «славяху Игоревича» (Ипатьевская летопись, стр. 481); они послали за ними и посадили в Галиче Владимира, а в Звенигороде — Романа. Их призвали из далекой Северной земли, очевидно, потому, что они были внуками Осмомысла, что в них текла кровь старой галицкой династии.

Вскоре началась борьба между братьями: Роман Игоревич с помощью венгров отнял Галич у старшего брата, который бежал в Путивль, вероятно в 1208 г. (в Ипатьевской летописи опять неверный 1203 г.). Затем король Андрей венгерский решил передать Галич своему брату Коломану, основываясь на Спижском договоре с Лешком 1202 г.; он послал с вой-

⁸⁹ Там же, стр. 383.

⁹⁰ Пользуясь мартовским счетом, Ипатьевская летопись относит события января и февраля к предыдущему году. Даты в ней проставлены позднее, их не было в подлиннике.

⁹¹ В Ипатьевской летописи отмечены еще даты рождения сыновей Игоря: Олега в 1174 г. (неверный 1175 г.) и Святослава в 1176 г. (неверный 1177 г.) (Летопись по Ипатскому списку, стр. 407 и 409).

ском воеводу, Бенедикта и «яша Романа в бане мыющихся и посла и в Угры». В 1210 г. Роман убежал из Венгрии в Галич, галичане послали его к брату Владимиру в Путивль, говоря: «согрешихом перед вама». Воеводу Бенедикта изгнали, и в Галицкой земле село уже четверо Игоревичей: Владимир — в Галиче, Роман — в Звенигороде, Святослав — в Перемышле,⁹² а в Тереховле — Изяслав Владимирович, по матери внук Кончака, ему было уже 24 года. Другого сына Всеволода Владимир послал к королю Андрею с дарами. Князьям пришлось вести борьбу с мятежными боярами, как раньше Роману Мстиславичу. Они избili их до пятисот, говорит Ипатьевская летопись. Тогда оставшиеся бояре попросили короля Андрея дать им Данила Романовича, которому было лет 10—12, чтобы освободить их от Игоревичей. Напротив, Звенигород, в котором сидел Роман Игоревич, упорно защищался. Роману пришли на помощь половцы и с ними его племянник Изяслав, внук князя Игоря и Кончака. Однако когда Роман решил покинуть Звенигород, его взяли в плен в Шумске. Владимир Игоревич с сыном бежали из Галича, и Данила торжественно посадили на стол в соборной церкви в Галиче. Взят был в плен и младший брат Ростислав Игоревич, раньше не упомянутый; нам неизвестно, на каком столе он сидел в Галицкой земле. Трех пленных князей повесили в Галиче в сентябре 1211 г. Это единственный случай такой расправы с князьями в русской истории.

Так бесславно кончилось княжение Игоревичей в земле их деда Ярослава Осмомысла. Несомненно одно: все они были сыновьями Евфросинии, и другой жены у Игоря не было.

Может встать вопрос: почему Ярославна не упоминает о сыне Владимире в своем плаче? На этом основании некоторые комментаторы утверждают, что она была его мачехой. Однако ответ прост: она особенно беспокоится о муже, услышав, что у него несколько ран («утру князю кровавые его раны», призыв «за раны Игоревы».)⁹³ О Владимире же она знает, что он не ранен, что он находится у невесты, ему хорошо, о нем волноваться нечего.⁹⁴ Потому весь ее плач посвящен любимому мужу и его погибшему войску.

Мы считаем, что у Игоря и Ярославны было пять сыновей — Владимир, Роман, Олег, Святослав и Ростислав⁹⁵ — и дочь, выданная в 1190 г.

⁹² Второй сын князя Игоря, Олег (родившийся в 1174 г.), не упоминается в галицких событиях. Надо полагать, что он остался сидеть в Курске. Именно в битве на Калке 1223 г. отмечена храбрость князя Олега курского. Гатищев, имевший более полный вариант Киевской летописи за XIII в., рассказывает под 1226 г.: «Олег Игоревич Курский, возвратясь от Калки с малым войском и видя Чернигов без князя, ибо он был старейший во граде, занял оный» (История... т. III, стр. 443), но затем уступил его Михаилу Всеволодичу. Участвовал ли Олег Игоревич в походе 1185 г. (11 лет от роду), неясно. Летопись его не упоминает, отмечая лишь участие Владимира из Путивля и Святослава из Рывьска; во фразе «и с нима два молодая месяца, Олег и Святъслав» Р. О. Якобсон считает эти личные имена позднейшей ошибочной попиской и вычеркивает их из текста «Слова» (La Geste... стр. 27 и 58). См.: Н. К. Гудзий. Хрестоматия, стр. 65, прим. 6.

⁹³ Ипатьевская летопись говорит: «уязвиша Игоря в руку и умртваиша шюйцю его» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 433).

⁹⁴ Можно полагать, что дети Игоря и Кончака были давно сосватаны. После битвы Кончак «на полчищи поручися по свата Игоря, зане бысть ранен», значит они уже считались сватами. Еще в 1180 г. Кончак приходил на помощь Игорю против Рюрика Ростиславича, и после неудачи Игорь «так с Кончаком въскочивша в лодью, бежа на Городець к Чернигову» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 421). Возможно, что они тогда уже обручили своих детей.

⁹⁵ Екатерина II указывает у Игоря шесть сыновей: Владимира, убит в Галиче в 1212 г., Ольга-Павла, Святослава, Глеба (без всяких данных), Романа, убит в Галиче в 1212 г., и Изяслава, убит в 1224 г. (?). Ростислава она не знает, и вообще ее сведения неточны («Записки...», стр. 159—160).

замуж за Давыда Ольговича, внука великого князя Святослава III; имя ее не названо в летописи.⁹⁶ Из этих сыновей трое — Роман, Святослав и Ростислав — были повешены в Галиче в 1211 г. Судьба двух других неизвестна: они, вероятно, продолжали княжить в Путивле и Курске до татарского нашествия, а может быть умерли раньше.⁹⁷ Потомство их пресеклось. Все позднейшие «верховские» княжеские семьи возводили свой род к Михаилу Черниговскому, внуку Святослава III; ни одна не считалась потомками князя Игоря.

7. Жалость земли Руские

В январе 1958 г. Р. О. Якобсон прочел в Краковском университете доклад под заглавием «Вклад языкознания в критический анализ текста Слова о полку Игореве». В недавно напечатанном резюме доклада⁹⁸ он говорит о реконструкции и анализе «Задонщины» как ближайшей задаче и развивает интересную новую мысль. Он говорит:

«Д. С. Лихачев мастерски выяснил роль З а д о н щ и н ы, радостного ответа после Куликовской победы над погаными на С л о в о, оплакивающее победу поганных над Игорем». Задонщина «была планирована и написана как вторая часть диптиха. Сам автор говорит во вступлении: „Прежде восписах жалость земли Руские и прочее от книг приводя“, т. е. С л о в о о полку Игореве, потом же „списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Ондревичю“, т. е. З а д о н щ и н у. Оба эти произведения, очевидно, переписывались вместе. Только этим мы можем объяснить наличность новых цитат не только из З а д о н щ и н ы, но и из С л о в а в отдельных, даже поздних вариантах Сказания о Мамаевом побоище. Записи З а д о н щ и н ы дошли до нас частично без ее начала, частично внесенные как отдельный эпизод истории борьбы с татарами; поэтому С л о в а, т. е. первой части диптиха, недостает в обоих случаях».

Мы вполне разделяем эту мысль. Загадочная «жалость земли Руские», которую переписал автор З а д о н щ и н ы, это именно «С л о в о о полку Игореве», бывшее перед ним и которым он так широко воспользовался. Это прежде всего грустная песнь о поражении и о «туге земли Руской». Корень «жаль» в разных вариантах встречается в нем четыре раза («жалость ему знамение заступи», «жаль бо ему мила брата», «ничить трава жалощами», «уныша цветы жалобою»). Напротив, З а д о н щ и н а есть тоже «жалость» (плач по убитым, подсчет — 253 тысячи павших), но и «похвала», прославление великого князя Дмитрия и его брата Владимира и всей Русской земли. Очень возможно, что в автографе Софронии оба произведения следовали одно за другим, но что позднейшие переписчики пропускали жалобное, мало понятное по языку и отдаленное по эпохе «С л о в о» и списывали только З а д о н щ и н у, описание величайшей победы Московской Руси.

⁹⁶ «Того же лета Святослав жени внука своего Давыда Олговича Игоревною» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 449).

⁹⁷ Неясна судьба Владимира Игоревича. Ипатьевская летопись указывает, что он убежал с сыном Изяславом, а повесили «Романа, Святослава, Ростислава» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 486). Однако Татищев, имевший другую летопись для XIII в., говорит: «Романа и Владимира повесили пред градом», «Роман и Владимир с женами и детьми побиты и ругательно повешены» (История..., т. III, стр. 372). Трудно согласовать эти известия.

⁹⁸ Roman Jakobson. Wkład językoznawstwa do krytycznej analizy tekstu Słowa o wyprawie Igora. — Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze, zesz. 3, № 24. Kraków, 1960, стр. 301.

8. Мнение митрополита Евгения о «Слове о полку Игореве»

В своем уже тридцатилетнем упрямом «неудачном походе на Слово о полку Игореве»⁹⁹ проф. Андре Мазон любит ссылаться на русских скептиков начала XIX в.: бесплодного отрицателя Каченовского, шутника барона Брамбеуса (О. Сенковского) и митрополита Евгения.¹⁰⁰ О легковесности Каченовского и Сенковского не стоит говорить,¹⁰¹ но Евгений Болховитинов личность более серьезная. Однако этот «величайший собиратель» (выражение М. П. Погодина), этот «статистик истории» (по словам А. В. Карташева) обладал многими недостатками своей эпохи, и митрополит Филарет о нем сказал: «В митрополите Евгении, сколько изумляет собой обширность его сведений, столько же поражает бездействие размышляющей силы, часто и резко высказывающейся».¹⁰²

Не обладая достаточными познаниями ни в истории русской литературы, ни в истории русского языка, митрополит Евгений сначала счел, что «Слово» не могло быть написано в XII в. Он писал 18 февраля 1814 г. Калайдовичу: «Об Игоревой песне я не сомневаюсь, что она давняя и могла сочинена быть в XV веке, когда воображение и дух России уже ободрился от успехов над татарами. Но чтобы она была и древняя до XIII века, на это потребны доказательства яснее игумена Зосимы» (т. е. записи в Апостоле 1307 г.). Нам теперь смешно читать, что скорбная песнь о страшном поражении при Каяле могла быть сочинена, «когда дух России уже ободрился от успехов над татарами»; но так рассуждали в 1814 г. Затем митрополит Евгений пишет по поводу приступа: «Не лепо ли ны бяшет, братие, начати старыми словесы...», в том же письме: «Не значит ли это, что он силится написать старинным, прежних времен слогом, а не современным себе? Следовательно, он не современник событий. Много у нас и русских песен, писанных старинным слогом о временах даже Владимировых. Кто же отнесет их к тем временам?».¹⁰³

Итак, мы видим, что митрополит Евгений совсем не понял смысл приступа «Слова»: он взял первую его фразу без связи с дальнейшими, и ему непонятно, что фраза «Не лепо ли ны бяшет...» лишь риторический вопрос, а что дальше певец отвечает на него: «Начати же ся той песни по былинам сего времени (т. е. новым слогом), а не по замыслению Бояню (т. е. не «старыми словесы», не стилем XI века)».¹⁰⁴ Но это еще простиительно, ибо так плохо понимали приступ «Слова» его первые переводчики К. Серяков (М., 1803) и А. Палицын (Харьков, 1807). Первый переведил:

Коль приятно слогом древности
Повесть нам начать прискорбную
О походе князя Игоря...

⁹⁹ Е. А. Ляцкий. Неудачный поход на Слово о полку Игореве. — *Slavia*, XVII, 1939, стр. 110—127 и 374—411.

¹⁰⁰ Еще недавно в рецензии на сочинение некоего г. фон Скерста «*Ursprung Russlands*» (*Revue des études slaves*, t. 41, 1962, стр. 218).

¹⁰¹ См.: Е. А. Ляцкий. Неудачный поход на Слово о полку Игореве, стр. 113—117; Д. С. Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности. — В кн.: Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.—Л., 1962, стр. 18—23.

¹⁰² А. В. Карташев. Очерки по истории русской церкви, т. 1. Париж, 1959, стр. 19.

¹⁰³ См.: Сын Отечества, 1839, VIII, ч. VI, стр. 18—19 (цит. по: Вл. Перетц. Слово о полку Игоревим. У Киіві, 1926, стр. 49).

¹⁰⁴ Этот смысл яснее всего раскрыт в переводе Ивана Новикова: «Не ладно ли было, братия, песню нам начать... словесами старинными...? Нет, начатся же песне той по былинам нашего времени». — «Слово о полку Игореве». Поэтические переводы и переложения под общей редакцией В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961, стр. 87.

А второй вещал стилем Ломоносова:

Любовь к отечеству зовет, о Россы, нас
 Воспеть брань Игоря на древний предков глас,
 Каким их подвиги вещались знамениты:
 Да будут бытия и наших лет открыты.¹⁰⁵

Однако совершенно непростительно, когда через полтора столетия проф. А. Мазон делает вид, что он не понимает смысла риторического вопроса, и с усмешкой пишет: «Забота воспеть „старыми словесы“ похвалу Игорю сразу выдает подделку, и подделку достаточно новую, чтобы оправдать эпитет „старыми“, ибо такая перспектива во времени не принадлежит человеку ни конца XII-го, ни даже начала XIII-го: митрополит Евгений имел снисхождение думать, что она могла соответствовать в крайнем случае человеку XV-го века; она должна была быть естественной, во всяком случае, человеку XVIII-го (века)».¹⁰⁶ И через 25 лет, несмотря на все сделанные ему возражения, проф. Мазон повторяет ту же мысль: автор «Слова» сам предупредил, мол, читателей, что он постарается писать «старыми словесы», он — «честный ритор».¹⁰⁷

Вернемся к митрополиту Евгению и к его мнениям о древности «Слова». Полезно напомнить, что через девять месяцев он высказал иное мнение, которое осталось неизвестным проф. Мазону, его последователям и оппонентам. Именно в конце того же 1814 г., в письме от 11 ноября к В. Г. Анастасевичу¹⁰⁸ Евгений писал:

«На вопрос ваш о трудах Московского Общества Истории и Древностей могу удовлетворительно Вам ответить, ибо я в сношениях с ним. Оно спит под недейтельным своим председателем президентом (П. П. Бекетовым); а некоторые только члены особняком работают. Недавно найдено в рукописях подобное Игоревой песни сочинение, описывающее поход князя Димитрия на Мамаю. В начале сочинения автор делает воззвание к какому-то неизвестному лицу, поведай Уран и проч., а в заключении сказано: а Владимир есть глава всем градам Русским; вся сия песнь расположена совершенно по Игоревой, которую без сомнения сочинитель имел перед глазами; в Игоревой описаны удалцы Курчане, а здесь Суздальцы, в той Ярославна плачет и обращается к Днепру и солнцу, а здесь жена Димитрия к берегу Москвы-реки в своем златоверхом тереме и проч. Многие слова (каковы, например, харалужный, рокотать и пр.), выражения и мысли взяты, кажется, из песни Игоревой. Сие сочинение, объясняющее во многих отношениях песнь Игореву, найдено в книге, писанной полууставом при Михаиле Федоровиче и содержащей в себе много статей, принадлежащих к древностям русским, между которыми достойна внимания песнь об убитом Лазаре и предложение правнука известного героя Пересвета князю (!) Иоанну Васильевичу о делании македонских щитов в воинстве — сочинение замечательное, в коем потомок Пересветов, выехавший из Литвы, черными красками опи-

¹⁰⁵ Там же, стр. 281 и 282.

¹⁰⁶ A. Mason. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 50.

¹⁰⁷ Revue des études slaves, t. 41, стр. 218—219. Впрочем, все это рассуждение, в котором А. Мазон утверждает, что автор XVIII в. написал не подделку, а «пастиш» и сам указал на это читателям, достаточно неясно: «L'auteur inconnu, au début même de son exercice, a prévenu les lecteurs qu'il ne saurait écrire „en langage ancien“ (старыми словесы) à la manière de Bojan: on ne saurait donc accuser de faux cet honnête rhétoricien, alors qu'il n'a commis qu'un pastiche — et a pris soin lui-même de le dénoncer».

¹⁰⁸ Это письмо было напечатано в журнале «Древняя и Новая Россия» (СПб., 1880, октябрь, стр. 359).

сывает царедворцев и наглости, какие они ему делали, отняв у него все имение, приобретенное им в королевствах Польском, Чешском, Венгерском и пр. Тимковский занимается новым переводом и толкованием песни Игоревой, и многое новое открыл; некоторые члены роются в патриаршей библиотеке, и все это по частной охоте, а не по отношению к Обществу. Общество в нашествие Наполеоново потеряло всю свою библиотеку и рукописи». Рукопись, которую митрополит Евгений называет в своем письме, представляла не Задонщину, тогда еще не известную, а «Сказание о Мамаевом побоище». Между тем уже это произведение убедило митрополита Евгения в том, что описание Куликовской битвы в нем расположено совершенно по Игоревой песне, которую «без сомнения» сочинитель «Сказания» «имел перед глазами». Между тем, как известно, «Сказание» довольно далеко от «Слова о полку Игореве», совпадая с ним лишь отчасти в своем плане и отдельных выражениях. Если бы митрополит Евгений имел перед собой Задонщину иерея Софония, он бы убедился, что Задонщина является связующим звеном между «Словом» и «Сказанием» и что именно в ней «многие слова, выражения и мысли взяты» из «Слова о полку Игореве». Но первую рукопись Задонщины приобрел на рынке и опубликовал Ундольский лишь в 1852 г., уже после смерти Евгения Болховитинова.¹⁰⁹

Во всяком случае проф. Мазон и его последователи не имеют права ссылаться на митрополита Евгения: он вовсе не предполагал, что «Слово о полку Игореве» было написано в XVIII в.

¹⁰⁹ ВОИДР, кн. 14, 1852.